

УДК 37

DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.063

Мотивационные факторы в традиционном обрядовом песнетворчестве как объект изучения при подготовке будущих профессиональных исполнителей народных песен

Кривенко Женни Дмитриевна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедра народного исполнительского искусства
Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке,
123060 Российская Федерация, Москва, ул. Маршала Соколовского, д. 10;
e-mail: zhkri@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена мотивационным факторам, которые играют ключевую роль в формировании обрядовой жизни и песенного творчества традиционной русской деревни. Понимание этих факторов проливает дополнительный свет на природу генезиса человеческого сознания, определяет во многом творческий процесс профессиональных исполнителей народных песен и саму возможность передачи в сценической ситуации истинного содержания песенно-обрядового творчества. На основе учений А. Маслоу, Р. Ассаджиоли, концепций современного искусствознания и фольклористики рассмотрена иерархическая структура мотивационных факторов (среди которых волевой, энергетический, векторный, мнемонический, фактор реконструкции, побуждения к творчеству, пространственно-временной, саморегулирующий и эволюционный), проявляющихся в рождении песенного обряда. Показана роль этих факторов в самоактуализации человека, что обретает смысл общечеловеческого и, безусловно, мощного педагогического фактора.

Для цитирования в научных исследованиях

Кривенко Ж.Д. Мотивационные факторы в традиционном обрядовом песнетворчестве как объект изучения при подготовке будущих профессиональных исполнителей народных песен // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4А. С. 524-535. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.063

Ключевые слова

Мотивационные факторы, обрядовое песнетворчество, творческая воля, коллективное бессознательное, обрядовая цель.

Введение

Глубокое изучение, а тем более исполнение подлинной народной песни невозможно вне постижения тех мотивационных факторов, которые оказали решающее влияние на ее формирование в самом народном сознании и определили во многом ее жизненно-обрядовую функцию и обрядовый смысл. В педагогическом процессе, пишет А.И. Щербакова, «Творческое самоопределение личности – важнейших аспект ее профессионального и духовного становления, ее самосознания и самооценки, выявления ею личностных смыслов и ценностей, необходимых для социальной и культурной идентификации» [Щербакова, 2014, 71]. И опора на мотивационные факторы народного сознания помогает не только усовершенствовать процесс подготовки профессиональных народных певцов, но и способствовать самоактуализации личностей обучающихся.

Действительно, творческая «архитектура» древнего обрядово-песенного таинства – это не только дошедший до нас культурно-исторический памятник, но и во многом забытый, растерянный, недооцененный многими нашими современниками важнейший элемент всеобщей архитектуры творческого процесса как компонента эволюции вида *homo sapiens* – фундамент, прочно удерживающий на себе всю колоссальную массу бесценных песенных образцов, проживших многие века и не потерявших своей удивительной свежести и красоты, значительную часть профессионального музыкального и поэтического творчества, а также ритуальную составляющую всей человеческой культуры и цивилизации. Необходимость «цельного знания», имеющего фундаментальную психологическую основу и обладающего практической применимостью, утверждал Владимир Соловьев [Соловьев, 1992]. Но эта целостность присутствовала уже в самом народном сознании. Синкретизм и генетическую взаимосвязь музыки, речи и танца в народной культуре подчеркивал Е.В. Гиппиус [Гиппиус, 1980, 29]. Смыслы и их поток, формирующиеся в ней, образуют по выражению Е.А. Каминской, саму «ткань традиционного фольклора» [Каминская, 2016, 79]. С другой стороны, способность художественно-творческого типа человека интуитивно видеть мир как единство, лежащее в основе многообразия, отмечал, например, выдающийся психолог Роберто Ассаджиоли [Ассаджиоли, 2008, 79].

Поражает воображение даже то, что обнаруживается за слегка приоткрытой завесой, в целом все еще скрывающей богатейшую сокровищницу песенного творчества как процесса в сознании необразованных (с позиций требований и стандартов сегодняшнего образования) представителей народа, воспитанных уже природно-космическими законами и вселенскими процессами, включающими «консиенциогенезис», или происхождение и формирование самого сознания как такового.

Что же побуждало наших далеких безвестных предшественников к подобному творчеству, что мотивировало их поразительно талантливое, ярчайшее по своей образности и тембровому колориту, универсальное по содержанию, порой шекспировской глубине при исключительной простоте и концентрированности, неповторимо оригинальное и поистине неисчерпаемое песнетворчество? Какие факторы были ими восприняты из внешней среды и собственных внутренних духовных ресурсов и передавались затем из поколения в поколение? Что должен постичь и далее переработать в себе профессиональный исполнитель народной песни?

Основное содержание

Рассмотрим основные факторы, влияющие на мотивационный аспект традиционно-обрядового песнетворчества. Прежде всего, следует выделить *волевой фактор*, фактор творческой воли, которая является энергетизирующей потенциально-динамической составляющей мотивации как таковой и проявляется в процессе ее реализации. Этот фактор позволяет увидеть первоначальную чистую потребность (которая остается таковой, например, когда человек страдает от обезвоживания и жажды, но не может или ему лень спуститься к источнику; А.А. Ухтомский приводит в качестве примера неспособности проявить волю в формировании собственной жизни словесное содержание песни «О, если бы на цветы да не морозы» [Ухтомский, 2019, 296]) и отделить ее от сформировавшегося полноценного мотивационного импульса, который порождает последующее действие. Мотивация как целенаправленное стремление человека к достижению цели обязательно связана с его волевыми усилиями, придающими действиям человека особый динамизм, способный ускорить, приблизить осуществление желаемого, перевести интенцию, направление, фокусировку сознания на чем-либо в возможность действия, обретения или избегания, а, возможно, и косвенной реакции, какой является, например, попытка запечатления увиденного художественными средствами. Кроме того, такие усилия человека ведут к расширению познания человека в различных сферах, делают знания более глубокими, практическими и точными, укрепляют как стремления человека, так и самого человека в его стремлениях, способствуют его самоактуализации.

Одним из самых удивительных феноменов генезиса сознания русской традиционной песенности является нередко групповой, ансамблевый характер отклика на первоначальный волевой импульс, который практически мгновенно охватывал и вдохновлял всех участников спонтанно складывающегося певческого коллектива. Волевой фактор становился импульсом для инициирования группового действия по достижению некой осязаемой всеми, но несказуемой Цели. Эта цель воспринималась коллективно-бессознательным и выражалась затем в мыслительно-эмоциональных внутренних «действиях» аутентичных исполнителей, действиях, которые экстерииоризировались в обряде и через одухотворенное обрядово-творческое дыхание порождали интегральный осмысленный тембр. Аутентичные певцы в это время присоединяли тембры своих голосов к изливающемуся высшему эманационно-творческому потоку, вливаясь в его стремину в сотворческом единстве со всем сущим, становясь также коллективными творцами, народом как продолжением Божественного Рода.

Так прослеживался великий творческий путь от Логоса (духовно-трансцендентного импульса) к человеческому коллективному бессознательному (духовно-творческой настрой), пронизывая далее все сферы человеческого сознания и выражаясь в обрядовом сознании, обрядовой эмоции, кардинально отличающейся от всех прочих эмоций, и далее в обрядовых аутентичных тембрах певческих голосов и обрядово-магической ритмо-слоговой артикуляции. Вне воли-к-обряду фольклорная песня теряет большую часть своего смысла.

Таким представляется магистральный путь аутентичного творческого процесса. На этом пути подключались и далее играли каждый свою значимую роль различные *мотивационные факторы*, оказывающие воздействие на строение обрядово-творческого «организма». Но только факторы *творческой воли* и первоначальный *энергетический фактор* формируются при

восприятию человеком ощущаемого им нисходящего эманационного потока – необходимой информации, имеющей также динамический характер. Воля проявлялась не как некое усилие человека, но как результат восприятия, принятия волевого творческого источника как потока с высшего духовного уровня при условии следующей за всем этим творческой отдачи (в нашем случае обрядово-певческой). Человеческое восприятие приходящего с высших уровней бессознательного с помощью соединения высшей воли со своей собственной, таким образом, порождало творческую мотивацию, наполняя музыкальное содержание обряда конкретным комплексом обрядово-певческой информации.

В дальнейшем воздушные колебания, мельчайшие жизни, порожденные тембрами человеческих одухотворенных голосов, наполняли окружающий мир, возвращая ему воспринятую человеком энергию Вселенной. Сам по себе подобный творческо-энергетический взаимообмен – свидетельство работы *энергетического фактора*. Б.В. Асафьев видел песню как феномен, впитавший духовную волю множества людей. Е.В. Назайкинский писал, что «Внутреннее пространство музыки» есть «особое энергетическое пространство, возникающее непосредственно из психической энергии движения» [Маслоу, 2018, 91]. Энергетический фактор, сливаясь с волевым поступательным движением, создавал колоссальную весомость, непреклонность в исполнении обряда, усиливая многократно каждую его деталь, каждое внутреннее движение и внешнее обрамление духовно-энергетического обрядового действия. Совместный мощный поток энергии и воли становился еще и своего рода мотивационным «резонатором», подобно тому, как в пении резонативность многократно увеличивает силу певческого голоса, придает ему тембровую яркость, разнообразие и выразительность тембровых оттенков. Подобный процесс превращал повседневное звучание тембра голоса человека, физиологически лишеного вышеупомянутых качеств, в завораживающее, наполненное вдохновенными потоками звуко-тембровое самовыражение, имеющее определенную направленность, обладающее «векторными свойствами», что подводит нас к пониманию векторного фактора.

Векторный фактор выражался в области творческих действий аутентичных исполнителей, каждый раз превращающих потенциальность в реальность. Постоянная погруженность в творческий обрядовый мир способствовала непрерывности творческого обрядового векторного потока. Бережное сохранение коллективного творческого наполнения жизни многими поколениями аутентичных певцов позволяло также сохранять обрядовую векторную стабильность, а также динамическую устойчивость. Подобные качества векторного фактора определяли и стабильно-устойчивый характер динамического развития мотивации. Это объяснялось и гармонией запрограммированных природно-космических явлений с соответствующими им запрограммированными действиями творческой обрядовой жизни общины.

Мог ли народ жить без песни и обряда? Мы, вероятно, этого никогда не узнаем, поскольку, по-видимому, народ никогда не жил без них. В силу этого факта гипотеза, утверждающая, что жизнь народа без песни невозможна, кажется гораздо более предпочтительной в сравнении с не имеющей даже реальных предпосылок гипотезой о возможности «беспесенного безобрядового» существования народа. Поэтому мы вправе предполагать глубокий онтологический смысл изначальной цели народно-обрядового бытия, кажущейся «излишней» (с прагматической точки зрения) цели, как раз превосходящей даже экзистенциальную потребность, скажем, в

земледелии или скотоводстве и даже институте семьи как факторах выживания.

Однако целеполагание не могло быть содержимым исключительно коллективного бессознательного. Частные цели ставились и достигались вполне сознательно. Это позволяет выявить следующий фактор – *фактор постановки и достижения цели*. Центром аутентичного песенного творчества становился обряд, скрепляющий, цементирующий единство человека с окружающим миром. Стремление к подобному единству было продиктовано прежде всего сопричастностью человека природным процессам, так как его жизнь и продление самого человеческого рода воспринимались как неотъемлемая часть и естественное продолжение самой природы. Это приводило к постановке цели, которую необходимо было достичь. Реализация стремления к достижению желаемой цели выражалась наилучшим способом в обряде, приобретающем свойства этой конкретной *обрядовой цели*. Творческое, в данном случае темброво-певческое самовыражение в энергообмене человека с природой, становилось главенствующим. Именно оно стало фактором, обеспечивающим жизненное, внешне проявленное обрядовое тембро-выражение. Тембры голосов поющих аутентичных исполнителей, наполненные *обрядовым духом, обрядовой мыслью, обрядовой эмоцией*, стали выстроенным в природной акустике «мостом», объединившим человека с миром, что проявлялось в обрядах земледельческого календаря и жизненного цикла, обрядах лирического излияния печали и иных переживаний, которые могли помешать, если бы не были использованы и сублимированы, жизни общины, и обрядах эпической передачи мудрости предков и духовно-семантического кода народно-национальной идентичности.

Наряду с отнологической потребностью нельзя отрицать и собственно фактор самосохранения, который касался также группы, общины, а не просто биологического индивида, и потому был побуждением именно к творчеству и, таким образом, нашел отражение в творческом характере жизни человека аутентичного общества. Рабский труд не объединяет, но творческий элемент в совместной деятельности всегда, так или иначе, является *фактором интеграции*, без которой человек беспомощен перед лицом неожиданного натиска стихии, голода или войны. Интегральность и величие природных процессов, зачастую не только прекрасных, но и пугающих, необъяснимых и загадочных, способствовали сплочению человека с себе подобными на основе не просто общевидового, но специфически общечеловеческого начала, того, что вскрывало преимущества человека перед природой, подтверждало более высокий статус человека и статус форм специфически человеческой интеграции. Поэтому творчество общины, как и любые ее действия, объяснялись и стремлением к совместному выживанию, но в том, более высоком смысле, который требовал включения «бессмысленных» с точки зрения чисто природно-биологического начала обрядового и эстетического компонентов совместной активности. Это было необыкновенно существенным «дополнением» к поиску способов согреться в холодных природных условиях, накормить членов общины, излечить больных, спасти общину от встречающихся угроз и т. д. Потому все эти каждодневные заботы и сопряженные с ними действия пронизывались песнями. В них порой соединялись и повествования о действиях человека, и даже описания-«инструкции» многочисленных подробностей и деталей действия, но это работало только тогда, когда каждое слово, каждый звук и каждое движение выражали все уровни восприятия, вплоть до высших – духовных. Любой вид труда или так называемого досуга общины обогащался вдохновенными звуками ее совместного пения, и в процессе песнетворчества, слушая язык природы, пытаюсь

его перевести и понять, человек сам находил адекватный способ высказывания и самовыражения, учился говорить и творить в песенном обряде не только на языке природы, но на том языке, который выявлял лучшие качества человеческой души и был языком этой души, языком того, что не ограничивалось существованием тела, хотя и определяло его жизнь от первого до последнего вздоха.

Мнемонический фактор соответствовал тому, что можно именовать памятью природы, проявляющейся в ее стабильности и в периодичности ее процессов. В человеческом бытии этот фактор становился тем, что развивало глубинную обрядовую память. Именно это объясняет созвучие природных явлений, смен времен года, времени суток с основными этапами человеческой жизни и со строфичностью народной песни, а опосредованно – с приуроченными в том или ином смысле певческими жанрами, тембрами голосов, самими ритуальными действиями. Ниспосланное человеку природой приводилось в строгое соответствие с особенностями этих певческих жанров, составляющих определенный неукоснительно исполнявшийся жанровый «кодекс», как и его тембровое обрамление. Певческий жанр со всеми присущими ему свойствами становился настоящим «свидетельством» мотивации, передаваемой с помощью мнемонического фактора.

При этом каждый песенно-обрядовый жанр обязательно включал такие иерархические факторы песнетворчества, как *духовно-обрядовый, ментально-обрядовый, эмоционально-обрядовый и темброво-обрядовый*, что соответствует выделению современными исследователями наряду с очевидным физическим уровнем содержания музыки таких уровней как «энергетический (межзвуковой) – то, что передается от исполнителя к слушателю “поверх звучания”», «интеллектуальный (знаниевый)» и «трансцендентный (духовно-ценностный) – постижение духа и смысла музыки. Этот уровень выявляет цель, ради которой происходит общение» [1, с. 49–50]. И.А. Корсакова пишет: «Мудрецы и философы утверждают также, что существует трансцендентный слой Вселенной. О его существовании говорят лишь свидетельства людей, имеющих личный сакральный опыт. Это самый «верхний» слой бытия в его информационной субстанции» [Корсакова, 2010, 27]. Именно этот уровень является надвременным, вечным источником творчества, хотя «Импульсом к созданию музыки может стать любой объект или событие» [Корсакова, 2015, 131]. Е.Г. Зайдель выстраивает систему уровней-уравнений, включающих известные фразы-формулы «Я есмь То, что Я есмь» (Божественная Самотождественность), «Я есмь То» (включенность Я в единую Мировую Душу), «То есть Это» (божественность Вселенной), «это есть то» (система определений и связей мира), что проявляется как музыка, как дифференциация Единого Звука, как Божественная Песнь [Зайдель, 2019, 172].

Особую роль в русском фольклорном мышлении и в тесной связи с характером аутентичного обрядового песнетворчества играет *пространственно-временной фактор*. Развертываясь в пространственно-временном континууме, стоящем за всеми физическими явлениями и внешним проявлением обряда, интегральный тембр певческих ансамблей со своей характерной жанрово-ситуационной энергетикой заполняет собой пространство и организует время жизни человеческого сообщества. В свою очередь само пространство предстает как мощный стимул для творческого песенно-тембрового проявления человека, воспринявшего энергетику пространства. Характерная для народной песни широта, раздольное протяженное звучание, проявляющиеся в длительных распевах, в особой континуальности звуков, в

расширенном музыкально-поэтическом изложении строф, родственном русской пейзажности, – по сути, в бескрайнем непрерывном вековечном звучании самой природы.

Пространственно-временная факторность проявляется также и в том, что определенный песенный обряд и конкретная песня звучат в определенном пространстве, в определенное время, отведенное конкретному обряду. В этом – пространственно-временная ограниченность данного фактора как формфактора. Но, одновременно, каждый обряд, благодаря изустной передаче песнетворчества, «пронизывает» пространство-время, переносясь далеко в грядущие столетия. Таким образом, жизнь народной песни переживает своих создателей, подобно гениальным классическим шедеврам в различных культурных областях. И здесь мы наблюдаем парадоксальную ситуацию. С одной стороны – кратковременность и локальность определенного песенного обряда в момент его исполнения. Но с другой – признаки вневременной и глобальной пространственности, поразительный неоглядный «охват» обряда, проявляющийся в хранении народной душой и народной мыслью его сокровенного содержания, допускающего и даже требующего своего возобновления-воспроизведения в течение многих столетий и во всем пространстве распространения, которое могло охватывать всю Россию и даже выходить за ее пределы. Как пишет А.И. Щербакова, «Чистота и свет подлинного искусства через время и пространство освещают все сферы общественной жизни, открывая человеку глубины его собственного «я», позволяя осознать смысл земного существования» [Щербакова, 2010, 221]. И в этом синтезе можно говорить, что обряд живет как во внепространственно-временном духовном пространстве «вечного сейчас», так и в глобальном (периодическом во временных воспроизведениях) и локальном, физически-конкретном, хотя все же непременно обрядово-функциональном континууме воспроизведения. И это то, что профессиональный исполнитель должен обретать в условиях сценического хронотопа.

Фактор побуждения к творчеству возникал в ежедневной обрядовой жизни, в которой каждому событию жизни придавалось особое значение. Каждое событие необходимо было творчески осветить и освятить, воспеть и передать этот опыт восприятия жизни следующим поколениям. При этом передавался не только сам певческий материал, но и способ общения с миром. Так, параллельно с продлением человеческого рода, происходило и продление общеродовой, Общечеловеческой Мотивации, носившей характер творческо-певческого самовыражения-общения. Поэтому всегда была необходимость творчески воспеть, в певческих звуках воспринять, оценить и, как результат, передать свою коллективную оценку, свое звуковое послание, поддерживая этим творческую основу человеческой жизни.

Фактор саморегуляции находится в прямой зависимости от того, что является наиболее существенным для человека в определенный отрезок времени в его жизни. На первый план могут выступать те или иные потребности, которые и создают общую картину уровня развития конкретного человека или группы людей, объединенных общими целями и избирающими, как правило, общие средства для их достижения. Таким образом, человек сам очерчивает мотивационный контур своей личности с ее доминирующими или, напротив, заглушенными или убывающими мотивациями.

Саморегуляция человека, причем начиная уже с его потребностей, – вот чему должен учить педагогически процесс, и это своеобразный результат суммирования множества мотивационных факторов в их постоянном взаимодействии, которое, в свою очередь, видоизменяется самим человеком. Устойчивость потребностей человека приводит к

стабилизации состояния саморегуляции в определенном ее виде, что можно сопоставить с состоянием гармонии. Постоянное стремление к творчеству увеличивает соответствующие высшие потребности. Большую роль в строительстве индивидуальной шкалы потребностей (по А. Маслоу) играют особенности восприятия внешнего мира человеком, избираемое им окружение. Оно проявляется в круге людей, с которыми стремится общаться человек, в предпочитаемой им литературе, избираемым видам творчества и т. д. Человек всегда жаждет получить конкретную информацию для восприятия, для внутренне-творческого самонаполнения. В нем происходит своеобразный внутренний поиск различных видов информации, ожидание новой. И она «находит» ждущего в виде творческих прозрений, вдохновения, сопровождающихся ощущением духовно-эмоциональной приподнятости, счастья, сходного с вдохновением. Певцы аутентичной среды, воспевающие любые события общинной обрядовой жизни, находились в подобном состоянии творческого вдохновения на протяжении всей жизни. Для них творческая саморегуляция – естественное состояние, основанное на соответствующем образе жизни.

В процессе восприятия важно осознание и претворение человеком того, что и как необходимо воспринимать, на чем акцентировать свое внимание, что осознать как наиболее ценное, к чему прикладывать свою творческую волю, на какие цели следует направлять вектор мотивации, какие средства необходимо использовать для достижения самоактуализации, а в итоге реконструкции – для «пересоздания» человеческой личности на более высоком уровне.

Фактор самоактуализации – естественная потребность человека, стремящегося к творчеству. Это то, что заложено в природе любого человека. Подтверждение – занятие различными видами творчества всеми жителями традиционной деревни. Это не только стремление к реализации своих способностей, как это, например, представлено Куртом Гельштейном [11, с. 76], но и, прежде всего, стремление к оправданию человеком своей жизни, своеобразное «обратное воздаяние Богу», необходимая потребность в благодарности ему за подаренную возможность прожить свою жизнь, насладиться божественной красотой природы, вложить свою творческую «микро-лепту» в «космо-архитектуру». А. Маслоу придает значение самоактуализации как возможности «оставаться в согласии с собой. Человек должен быть тем, чем он может быть. Люди должны сохранять верность своей природе». В этом высказывании мы находим прямую параллель с творческим образом самой жизни аутентичных певцов, когда не мог даже возникнуть вопрос о соответствии того, кем человек был, и кем он мог быть. Он был тем, кем его создала природа, и играл ту роль, которую она на него возложила. И, естественно, согласие человека с самим собой и с окружающим миром было изначально синкретично и неоспоримо. Кроме того, А. Маслоу утверждает, что все это является долгом каждого человека. Неотданные долги, нежелание их увидеть, осознать и возвращать, как известно, не способствуют правильному развитию человека. А в масштабе человечества – последствия воистину могут быть катастрофическими.

Идея А. Маслоу о необходимости для человека прежде всего быть самим собой предполагает решение определенных, возложенных именно на него задач, и это долг, обязанность каждого человека, приходящего в этот прекрасный мир – долг перед Богом, перед самим собой и себе подобными, перед предыдущими и следующими поколениями. Именно в этом проявляется соответствие жизни человека Божественному плану, для выполнения которого человек, как он сам начинает чувствовать, рождается и дает жизнь следующим

поколениям. Придя в этот мир, каждый должен прожить свою жизнь в соответствующих этому плану духовно-нравственных стремлениях, мысленно-эмоциональных посылах и действиях. Кажущаяся на первый взгляд незначительность этих составляющих жизни отдельного человека – путь к непониманию основ сути жизни человечества, безответственность и непростительная беспечность в этом главном вопросе человеческого и вселенского бытия. Бесчисленные жизни людей с их духовно-творческими стремлениями в совокупности составляют глобальный космос, в котором человечество, как и отдельный человек, – его неотъемлемые части. Эти основы жизни были заложены в самом бытии аутентичных исполнителей-певцов, и, соответственно, в их обрядовом творчестве. Именно на эти основы необходимо обращать внимание в процессе изучения и исполнения песенного фольклора.

При этом, как человечество не должно повторять, или проживать, жизненный путь предшествующих поколений, так и изучающие песенный фольклор не должны повторять – буквально копировать творчество аутентичных исполнителей. Аутентичные исполнители прошлого уже прожили свои жизни сами и дали жизнь следующим поколениям. И этот бесконечный процесс сменяемости человеческих «жизневолн» существует не для того, чтобы будущие поколения каким-либо образом в точности повторили жизни и судьбы предыдущих поколений, но для того, чтобы они сами прошли каждый свой жизненный путь. Задача каждого нового поколения состоит в том, чтобы на новом уровне, в новых условиях осознать всю ценность наследия своих предков, заложенного в их традициях, обрядах, песнях и прочих видах творчества, а затем дать этому новую жизнь, пусть и в новых формах и видах.

Невозможно вернуть прежнюю жизненную модель в нашу современную действительность. Но при этом обучающимся аутентичному песенному творчеству необходимо научиться черпать из кристально чистого родника песенного творчества, бережно сохраняя все его лучшие качества, включая и особую чистоту мотивационных факторов. При этом современные исполнители песенного фольклора, осознавшие всю его ценность, стремящиеся познать его глубочайшую суть, берут на себя роль посредников и соединителей потоков прошлого и потоков обновляющегося настоящего. Это способствует возникновению новых форм творческого процесса: выплеска-отдачи по отношению к мощи традиции и эвристическому отклику на потребности нового витка диалектического развития, который выражается в *факторе реконструкции* как отдельной человеческой личности (Ассаджиоли), так и человеческого общества. Возникающий дисбаланс между соотношением мотиваций человека, приводящий к внутренней расколотости, потери внутренней гармонии, заставляет его искать методы достижения собственной внутренней целостности. Курт Левин отмечает существование пропасти между мнимой трансцендентностью и реальной человеческой деятельностью. В постижении обучающимися фольклорного обрядового творчества необходимо выстроить мост в сознании для преодоления этой пропасти в себе и для действительно правдивого сценического исполнения. Правильная перефокусировка направленности сознания, устремленность к высшим ценностям реконструирует человеческую личность, а в случае массового стремления к высшим нравственно-духовным ценностям активизируется и более глобальный процесс реконструкции человеческого общества, что приводит к конечному результату и, одновременно, к бесконечному процессу: *эволюционному фактору* – наивысшему выражению и реализации космического закона в историческом движении и прогрессирующей духовной жизни человечества.

Заключение

Как видим, мотивационная парадигма (по А. Маслоу) охватывает все стороны жизни отдельного человека и человечества в целом. И эта мотивационная структура функционирует в виде *каскадного мотивационного развития*, затрагивая различным образом – увеличивая или уменьшая, активизируя или приводя к состояниям, близким к пассивным, закрепляя или растворяя – различные мотивационные факторы. Этот живой бурный поток внутренней жизни в целом можно дифференцировать на различные ступени, «рассыпающиеся», и, в то же время, остающиеся в нерасторжимом единстве. По сути, эти множественные творческие факторы в своем синтезе представляют постоянный, универсальный для любых творческих процессов комплекс (и в этом его непреходящая ценность!), состоящий из функциональных, интегрально-иерархических факторных уровней. Таковыми являются

1) творческие факторы: творческой воли, энергетический, векторный, мнемонический, пространственно-временной, духовно-обрядовый, ментально-обрядовый, эмоционально-обрядовый, темброво-обрядовый, фактор самосохранения в форме интегративного обрядового побуждения к творчеству, причем мы понимаем, что этот вид факторов – своеобразная начальная *порождающая мотивационная ступень*, способствующая самой возможности возникновения и функционирования творческого жизненного проявления;

2) факторы саморегуляции, самоактуализации, реконструкции как следующая – *личностно-общественная результативная мотивационная ступень*, проявляющаяся в возникновении определенных результатов предыдущих видов творческой деятельности;

3) эволюционный фактор – *наивысшая ступень реализации человечеством божественного плана, или Промысла.*

Библиография

1. Ануфриев Е.А., Ануфриева Н.И., Корсакова И.А., Щербакова А.И. Музыкальная коммуникация. Учебное пособие. – М.: РГСУ, Факультет искусств и социокультурной деятельности, 2015. – 440 с.
2. Асафьев Б.В. О хоровом искусстве. – Л.: Музыка. – 215 с.
3. Ассаджиоли Р. Семь типов личности. Психология психосинтеза. – М.: Мир Урании, 2008. – 151 с.
4. Ахмерова А.Х. Творчество как способ самореализации студентов // Вестник МГУКИ. – 2017. – 1(75). – С. 200–206.
5. Гиппиус Е.В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы фольклористики. Сб. статей и материалов. – Л.: Музыка, 1980. – С. 23–36.
6. Зайдель Е.Г. Музыкальное искусство: опыт исследования природы и образной сущности [Электронный ресурс] / Е.Г. Зайдель // Педагогика искусства. – 2019. – № 2. – URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/zaydel_167-175.pdf (дата обращения: 14.07.2019).
7. Каминская Е.А. Традиционный фольклор: культурные смыслы, современное состояние и проблемы актуализации. Диссертация на соискание ученой степени доктора культуролога. – Челябинск, 2016. – 365 с.
8. Корсакова И.А. На пути к раскрытию тайны творчества: замысел и его воплощение // Культура. Духовность. Общество. № 19. – Новосибирск: ООО Центр развития научного творчества, 2015. – С. 130–134.
9. Корсакова И.А. Структура музыкального бытия // Наука и современность. Вып. 1–3. – Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2010. – С. 27–31.
10. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
11. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. [Текст] / А. Маслоу / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2018. – 400 с.
12. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального восприятия. – М.: Музыка, 1972. – 382 с.
13. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Собрание сочинений. Т 1. – М.: ПАИМС при участии МП «Логос» и МП «Либрис», 1992. – 406 с. (репринт).
14. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2019. – 512 с.
15. Щербакова А.И. Духовная интуиция в творческом самоопределении личности: философско-психологический аспект // Достижения вузовской науки. № 8. – М., РГСУ, 2014. – С. 71-76.
16. Щербакова А.И. Философия музыки – философия свободы – философия человека. Казанская наука. Сборник научных статей. № 5. – Казань: Казанский Издательский Дом, 2010. – С. 221–227.

Motivational factors in the traditional ritual songship as an object of study in the preparation of the future professional performers of folk songs

Zhenni D. Krivenko

PhD in Pedagogy, associate Professor
Department of folk performing arts
Moscow state Institute of music named after A. G. Schnittke,
123060, 10, Marshal Sokolovsky st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zhkri@yandex.ru

Abstract

The article deals with the motivational factors that play a key role in the formation of ritual life and song creation of a traditional Russian village. Understanding these factors sheds additional light on the nature of the genesis of human consciousness, determines in many respects the creative process of professional performers of folk songs and the very possibility of transmitting in the scenic situation the true content of song and ceremonial creativity. Based on the teachings of A. Maslow, R. Assagioli, the conceptions of contemporary art history and folkloristics, the hierarchical structure of motivational factors (among which are volitional, energetic, vector, mnemonic, reconstruction factor, motivation for creativity, space-time, self-regulating and evolutionary), which are manifested in the birth of the song rite, is considered. The role of these factors in the self-actualization of a person is shown, which acquires the meaning of a universal and, of course, powerful pedagogical factor.

For citation

Krivenko Zh.D. (2019) Motivatsionnye faktory v traditsionnom obryadovom pesnetvorchestve kak ob"ekt izucheniya pri podgotovke budushchikh professional'nykh ispolnitelei narodnykh pesen [Motivational factors in the traditional ritual songship as an object of study in the preparation of the future professional performers of folk songs]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 9 (4A), pp. 524-535. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.063

Keywords

Motivational factors, ritual creation of songs, creative will, collective unconscious, ritual goal.

References

1. Anufriev E. A., Anufrieva N. I., Korsakova I. A., Shcherbakova A. I. (2015) Musical communication. Textbook. - Moscow: RSSU, Faculty of arts and socio-cultural activities, 440 PP.
2. Asafiev B. V. About the choral art. - L.: Music. - 215 p.
3. Assagioli R. (2008) Seven personality types. Psychology of psychosynthesis. - Moscow: Mir Uranii, 151 p.
4. Akhmerova A. H. (2017) creativity as a way of self-realization of students Vestnik MGUKI. - 1(75). - Pp. 200-206.
5. Gippius E. V. (1980) General Theoretical view on the problem of cataloguing folk melodies Actual problems of folklore. Collection of articles and materials. - L.: Music, Pp. 23-36.
6. Seidel E. G. (2019) Musical art: the experience of studying the nature and figurative essence [Electronic resource] E. G. Seidel Pedagogy of art. No. 2. - URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/zaydel_167-175.pdf (accessed 14.07.2019).
7. Kaminskaya E. A. (2016) Traditional folklore: cultural meanings, current state and problems of actualization. Dissertation for the degree of doctor of cultural studies. - Chelyabinsk, 365 PP.

8. Korsakova I. A. (2015) on the way to the disclosure of the mystery of creativity: the idea and its embodiment Culture. Spirituality. Society. No. 19. - Novosibirsk: center for the development of scientific creativity, Pp. 130-134.
9. Korsakov, I. A. (2010) the structure of the music of life Science and modernity. Vol. 1-3. - Novosibirsk: center for the development of scientific cooperation, Pp. 27-31.
10. Levin K. (2001) Dynamic psychology: Selected works. - Moscow: Smysl, 572 p.
11. Maslow A. (2018) Motivation and personality. 3rd ed. [Text] A. Maslow TRANS. – SPb.: Peter, 400 PP.
12. Nazaykinsky E. V. (1972) on the psychology of musical perception. - M: Music, 382 p.
13. Soloviev V. S. (1992) Philosophical principles of integral knowledge Collected works. T 1. - M.: PAIMS with the participation of MP "Logos" and MP "libris", 406 p. (reprint).
14. Ukhtomsky A. A. (2019) Dominanta. – SPb.: Peter, 512 PP.
15. Shcherbakova A. I. (2014) Spiritual intuition in creative self-determination of personality: philosophical and psychological aspect Achievements of University science. No. 8. - M., RSUH, Pp. 71-76.
16. Shcherbakova A. I. (2010) Philosophy of music-philosophy of freedom-philosophy of man. Kazan science. Collection of scientific articles. No. 5. - Kazan: Kazan Publishing House, Pp. 221-227.